

Изъ жизни украинской интеллигенціи 1830-тыхъ годовъ.

I.

Настроенія въ перепискѣ.

Пересматривая фамилныя бумаги украинскихъ семей, часто находишь тамъ связки писемъ 1830-хъ годовъ. На пожелтѣвшихъ листкахъ бумаги выцвѣтшими чернилами сообщаются близкимъ и знакомымъ семейныя новости, событія въ кругу сосѣдей, злободневныя происшествія. Много удѣляется вниманія различнымъ хозяйственнымъ событіямъ, покупкамъ и продажамъ, видамъ на ближайшій урожай, планамъ улучшеній и расширенія хозяйственной дѣятельности. Въ этихъ запыленныхъ письмахъ отразилась полно и ярко повседневная жизнь того времени съ ея радостями и заботами, съ надеждами и разочарованіями, спокойная мирная жизнь украинскаго панства 1830-ыхъ годовъ.

Но не только одни повседневныя заботы отразились въ этихъ старыхъ письмахъ. Не такъ, правда, полно, не такъ всесторонне, но все-таки отразились главными основными своими чертами и духовные интересы украинской интеллигенціи того времени, украинскаго панства, державшагося родной земли, цѣнившаго свои связи съ украинскимъ народомъ, любившаго народный живой языкъ и народное яркое творчество.

Интересна особенность этихъ писемъ: написаны-ли они въ мирномъ затишьи украинскаго села или вышли изъ подъ пера украинцевъ, заброшенныхъ судьбою на далекую чужбину, въ нихъ постоянно чувствуется

горячая, живая привязанность къ родному краю, родной природѣ. Полнѣе и глубже проявляется она, конечно, въ письмахъ издалика, письмахъ тѣхъ, кто, оторванный отъ родины, постоянно рвался къ ней всею душой, постоянно воспоминалъ её, далекую и дорогую, на чуждой сердцу чужбинѣ. И не только въ письмахъ пылкой молодежи постоянно сквозить эта горячая глубокая привязанность къ родному краю, родной природѣ: и люди болѣе спокойные, болѣе уравновѣшенные, увѣренно проходившіе свое служебное поприще, таили въ глубинѣ души такую же искреннюю привязанность къ родинѣ и родной роскошной природѣ и проявляли её, когда, отбросивши въ сторону служебныя заботы, бесѣдовали откровенно въ письмѣ съ близкими людьми, оставшимися въ Украинѣ.

Какъ примѣръ положительнаго солиднаго чиновника можно назвать А. Я. Стороженко. Это былъ ревностный служака. Часто приходилось ему мѣнять мѣсто служенія, переходить изъ города въ городъ, приходилось занимать различные посты, болѣе и болѣе важные, и всюду онъ оставался ревностнымъ чиновникомъ, никогда не забывающимъ своей службы. Начальство видѣло это и цѣнило: Стороженко успѣшно проходилъ свое служебное поприще. И при всемъ томъ Стороженко тоже страдалъ тоской по Украинѣ: это видно по его письмамъ. Онъ всегда помнилъ дѣтскіе годы, проведенные въ Украинѣ, и всегда мечталъ вернуться на родину въ пожилыхъ годахъ и провести тамъ остатокъ дней. Въ письмахъ къ близкимъ онъ постоянно возвращается къ этой мечтѣ, этой надеждѣ. Какъ и у его современниковъ, съ живыми яркими воспоминаніями украинской природы слетаются представленія о прелести простой безыскусственной жизни среди природы—отголоски идей Руссо и Сковороды. Воспоминанія объ украинской природѣ и жизни въ откровенныхъ письмахъ Стороженка таковы, что подъ этими строками свободно могли бы подписаться и очень многіе современники-украинцы. Подобныя строки легко подыскать и въ другихъ письмахъ того времени.

Мѣстное украинское панство рано покидало родныя гнѣзда для довершенія образованія. Получивши начальное образованіе дома у гувернеровъ либо въ ближайшемъ губернскомъ городѣ въ пансіонѣ, юноши ѣхали затѣмъ для довершенія образованія въ столицу. Въ столичномъ пансіонѣ, военной школѣ или университетѣ временно прерывались и ослабѣвали

живыя непосредственныя связи съ родиною. Нѣкоторые оставались потомъ на службѣ въ столицѣ, и ослабѣвшія связи съ родною обстановкою, роднымъ укладомъ народнымъ уже не поднимались до прежней живости. У большинства эти связи съ родиною, симпатіи къ родному народу, украинскому языку и украинской пѣсни, любовь къ прошлому яркому и героическому оставались по прежнему глубоки и сильны и оживлялись при благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Тѣсно сплетаются вмѣстѣ въ неразрывное цѣлое любовь къ родному краю, къ родной природѣ, симпатіи къ народному быту, привязанность къ народному живому языку и интересъ къ прошлому родины. Всѣ эти отдѣльные моменты тѣсно сплетаются другъ съ другомъ и трудно расчленивъ это цѣлое на составные элементы, выдѣлить ихъ въ ихъ тѣсномъ взаимномъ сплетеніи.

«Душа рвется подѣ родное небо . . . Тяжелая служба умыкала, жажду успокоенія. Готовъ по истинѣ и впрямь сѣсть въ царинѣ» пишетъ какъ-то А. Я. Стороженко въ минуту усталости и утомленія отъ службы. «Летѣть на родную сторону, отдохнуть отъ тяжкихъ трудовъ и непрерывныхъ огорченій»—такія желанія чаще и чаще приходятъ Стороженку. «Жаль, что я не увижу цвѣту бѣзиковъ въ Малороссіи, но еще осталось 5 мѣсяцевъ для деревенскихъ наслажденій лѣтнихъ, которые представляются мнѣ очаровательными, ибо въ Варшавѣ я даже рѣдко зелень видѣлъ, не имѣлъ времени выѣхать за городъ». Съ этимъ желаніемъ отдохнуть хотя-бы немного послѣ перенесенныхъ испытаній тѣсно сплетается надежда поселиться на старости въ тихой украинской усадьбѣ, въ глуши. «Любовь къ родинѣ, воображаемая безмятежность ея (жизни) по трудахъ и лишеніяхъ себя часто самого необходимаго; нѣсколько посаженныхъ деревьевъ въ хуторѣ собственными руками . . . все это располагаетъ меня къ безприхотной жизни предковъ. Впрочемъ надобно быть извѣстнымъ философомъ нашимъ Сковородою . . . чтобы предпочесть кочевье комфорту настоящаго вѣка». Воспоминаніе о Сковородѣ навѣяло дальше фразу въ духѣ идей извѣстнаго украинскаго философа «Счастье заключается въ умѣренныхъ желаніяхъ и въ чистой совѣсти». Спокойною и простою рисуется ему будущая жизнь на хуторѣ. «Если Богъ сподобитъ—пишетъ Стороженко сыну—отца твоего, послѣ тяжкихъ трудовъ,

принимать тебѣ на хуторѣ въ царинѣ, куда онъ намѣревается укрыться на старость отъ тревоженій служебныхъ» . . . Хуторъ рисуется Стороженку желаннымъ мирнымъ пріютомъ: «осенью располагаю побывать на родномъ хуторѣ, который предпочитаю всѣмъ столицамъ въ мірѣ» ¹⁾).

Все это—воспоминанія о родномъ уголкѣ и надежды на мирный спокойный отдыхъ въ старости въ родной обстановкѣ. Въ другихъ случаяхъ съ этими воспоминаніями тѣсно сплетаются проникнутыя симпатіею упоминанія о народномъ бытовомъ обиходѣ, народной мелодіи и пѣснѣ, народныхъ трогательныхъ обычаяхъ. Совѣтуя сыну не бросать занятій музыкою, А. Я. Стороженко роняетъ мимоходомъ замѣчаніе: «музыка закрываетъ предо мною все непріятное на сценѣ житейской, а малороссійская мелодія миритъ меня со всѣми невзгодами. Выучись на скрипкѣ, Володя, хотя столько, чтобы сыграть «Горлицу», а я и на старости танцевать пущусь родное»... По поводу восхваленій аріи *Casta diva* Стороженко замѣчаетъ: «все это написано по-европейски, но, признаюсь, мнѣ всякій народный мотивъ гораздо понятнѣе и ближе къ сердцу, нежели искусственность италіанской музыки или ревъ нѣмецкаго баритона»... Предъ Рождествомъ Стороженко пишетъ сыну: «все это [т. е. нѣмецкіе рождественскіе обычаи] продѣлывается, я думаю, и въ Дерптѣ, но *вечера* наша, малороссійская, для меня еще пріятнѣе: она напоминаетъ патріархальныя времена, коихъ не осталось и признаковъ въ Польшѣ... жаль, что славянская старина подавлялась здѣсь наше-ствіями дванадесяти иноплеменниковъ!»... Возвратившись изъ поѣздки въ Карлсбадъ, Стороженко дѣлаетъ общее признаніе о своихъ привязанностяхъ малороссіянина: «необходимо пламенно любить родину: я малороссіянинъ въ душѣ и хижины, покрытыя соломой, плетни, черезъ которыя висятъ разноцвѣтныя тыквы, люди въ бѣлыхъ крестьянскихъ рубашкахъ съ простотою и привѣтствіемъ—милѣе для меня гораздо, нежели каменныя строенія крестьянскія въ Силезіи»... Возвращаясь еще разъ къ впечатлѣніямъ Украины, Стороженко пишетъ, соединяя вмѣстѣ воспоминанія о природѣ и о народномъ обиходѣ: «зеленыя равнины нашей милой

1) Письма А. Стороженко въ книгѣ «Стороженки», семейный архивъ II, с. 51, 53, 81, 38, 40.

Малороссіи, синее небо, бальзамическія испаренія цвѣтистыхъ луговъ, привѣтливость народа, нѣкогда самому себѣ принадлежавшаго, не знавшаго пановъ... манять опочить на мягкой муравѣ [т. е. любимаго хутора]»... Въ этомъ воспоминаніи объ Украинѣ, въ этомъ образѣ далекой родины тѣсно сплетаются впечатлѣнія роскошной природы, красочнаго народнаго обихода, народной психологіи и намеки о далекомъ прошломъ самостоятельной Гетманщины...¹⁾.

Не одинъ лишь А. Я. Стороженко уносился въ своихъ письмахъ мыслями и мечтами къ далекой родной Украинѣ. Въ письмахъ этихъ годовъ постоянно можно найти такія же признанія въ любви къ Малороссіи или болѣе пылкія, если онѣ исходятъ отъ лицъ по-моложе. Вотъ отрывокъ наудачу. «Я также ужасно ожидала этого времени [т. е. поѣздки въ Украину]. Ты не можешь себѣ представить, какъ я люблю Малороссію, да, я думаю, и ты тоже. Не правда-ли такъ много пріятныхъ воспоминаній порождаютъ эти звуки.—*Малороссія?* Мнѣ кажется, если мы поѣдемъ въ Малороссію, то я буду совершенно блаженна. Я бы желала навсегда тамъ остаться и даже умереть тамъ...». Другіе не загадывали о смерти, но тоже мечтали о переселеніи подъ родное синее небо, «въ благословенную землю отцовъ нашихъ».

«Впрочемъ, не правда-ли, что Малороссія прекрасна?» На этотъ вопросъ, поставленный въ одномъ письмѣ, и самъ А. Стороженко и его современники, украинскіе интеллигенты, отвѣтили бы, не колеблясь, утвердительно. Прекрасна своею природою, своимъ яркимъ красочнымъ народнымъ обиходомъ, своими мелодіями, своимъ языкомъ, своими воспоминаніями о героическомъ прошломъ: такъ чувствовали украинскіе интеллигенты 1830-хъ годовъ.

Когда воспоминалась родная природа, родной уголь съ его мирнымъ уютомъ, воспоминались вмѣстѣ съ тѣмъ вечера, проведенные на балконѣ, доносившіяся съ села пѣсни, воспоминались игры молодежи въ яркихъ праздничныхъ костюмахъ, дума кобзаря въ кругу внимательныхъ слушателей, селяне подъ церковью въ праздникъ Спаса...

Всѣ эти воспоминанія въ письмахъ украинской интеллигенціи того

1) «Стороженки», II, 28, 125, 117.

времени проникнуты глубокою привязанностью къ родному народу, его жизни и языку, его пѣснямъ и его обычаямъ. Вернувшись на родину, интеллигентъ старался снова окунуться въ эту красочную жизнь, проникнуться очарованіемъ природы и быта. Съ грустью замѣчали при такихъ посѣщеніяхъ родины, что «тишическое малороссіянь съ каждымъ днемъ стирается и этому есть множество причинъ». Въ этомъ сожалѣніи снова проступаетъ глубокая привязанность къ родинѣ и народному быту.

Говоря о настроеніяхъ переписки украинскихъ интеллигентовъ 1830-хъ годовъ, можно для сравненія привлечь и тѣ описательные бытовые очерки украинской жизни, которые выходили въ тѣ годы. Такихъ очерковъ и этюдовъ довольно много въ журналистикѣ того времени, и они проникнуты тѣми же настроеніями, что и описанія украинской природы и жизни въ письмахъ.

Тѣмъ же глубокимъ увлеченіемъ родною украинскою природою проникнуты и этнографическіе этюды Н. Маркевича. Когда приходится говорить о народныхъ обычаяхъ, народныхъ повѣрьяхъ, работахъ и празднествахъ, авторъ не останавливается спеціально на описаніяхъ природы, но природа составляетъ у него постоянный фонъ и отношеніе къ природѣ постоянно чувствуется, чуткое и глубоко-любовное, во всѣхъ этихъ описаніяхъ. Когда приходится, напримѣръ, говорить о циклѣ веснянокъ, авторъ дѣлаетъ бѣглое замѣчаніе мимоходомъ вскользь объ украинской веснѣ и это небольшое отступленіе проникнуто тѣми же основными настроеніями, тѣмъ же отношеніемъ къ природѣ. «Она (весна) сама юность земли, юность природы, всегда восхитительной: она сама любовь, веселье, наслажденіе. Съ ея появленіемъ все оживаетъ, воды сверкаютъ подъ теплымъ небомъ подъ лучемъ солнца, цвѣты распускаются въ волшебной свѣжести лунныхъ или темныхъ, но всегда ароматныхъ ночей; все заговоритъ на поляхъ, по рощамъ, въ водахъ; всѣ голоса сольются и наполнятъ душу очарованіемъ; болотныя птицы, насѣкомыя, крикъ домашнихъ животныхъ, бѣгущихъ съ поля въ село, сольются съ щебетаніемъ ласточки, съ яркой трелью соловья. И мы встрѣчаемъ весну пѣснями и непремѣнно пѣснями любви...»¹⁾. Эти общія замѣчанія пред-

1) Н. А. Маркевичъ, Обычаи . . . с. 66.

посланы авторомъ характеристикъ веснянокъ: въ бѣглыхъ, не вполне отшлифованныхъ строкахъ, все же чувствуется привязанность къ украинской, родной природѣ, чуткое къ ней отношеніе, навѣянное постояннымъ съ нею общеніемъ. Глубоки были эти настроенія, но не всѣ умѣли передать ихъ въ непослушныхъ строкахъ: отгадываешь между строками журнальной замѣтки или письма въ редакцію тѣ глубокія симпатіи, которыя питали авторы къ народному быту, языку, музыкѣ, воспоминаніямъ о прошломъ, ко всему укладу народной украинской жизни. Когда автору приходится коснуться народныхъ обычаевъ, видно, что онъ говоритъ о близкомъ, къ чему онъ часто присматривался съ постояннымъ неослабѣвающимъ вниманіемъ и порою съ затаенною грустью и сожалѣніемъ о стирающихся уходящихъ особенностяхъ мѣстной жизни.

«Веснянки поются ежедневно, вечеромъ, по окончаніи работъ, а въ праздники и послѣ обѣда; дивчата и паробки собираются за селомъ или посреди села на выгонѣ, если же село велико, то на нѣсколькихъ выгонахъ. Паробки выкапываютъ вершковъ шесть глубины ровъ, дивчата садятся и спускаютъ ноги и когда онѣ поютъ, когда хороводы одной части села перекликаются въ темнотѣ ночной съ другими хороводами, паробки стоятъ за ними, прислуживаются, шутятъ, любезничаютъ...»¹⁾.

Это не только этнографическая запись спокойнаго наблюдателя, но вмѣстѣ и воспоминаніе о пережитомъ и перечувствованномъ. «Что можетъ быть разительнѣе, какъ слушать, когда малороссіяне по вечерамъ пріятныхъ лѣтнихъ дней, собравшись во множествѣ и сидя на пригоркѣ въ кружокъ, поютъ свои заунывные пѣсни? Тогда эхо, въ окружности ихъ отдающееся, приноситъ съ полей и отъ лѣсовъ къ чувствительному сердцу самые трогательные тоны...». Для такихъ чувствительныхъ сердецъ и въ 1830-тыхъ годахъ «неизъяснимымъ очарованіемъ» полны были народныя пѣсни, это наиболѣе яркое проявленіе украинскаго народного творчества.

Увлеченіе народными пѣснями тѣсно сплетается съ симпатіями къ живой народной рѣчи. Вѣдь именно въ пѣсняхъ живой народный языкъ достигаетъ высшей степени красочности и поэтичности. Въ пѣсняхъ съ дѣтства стихійно воспринимался духъ народной живой рѣчи, съ дѣтства

1) Н. А. Маркевичъ, Обычаи . . . с. 69.

сами собою усваивались яркіе образы и поэтическія выраженія и они позднѣе оживляли разговорный языкъ и п'исьма, вкрапливаясь, какъ сверкающія блески, въ повседневную дѣловую прозу. То здѣсь, то тамъ среди дѣловыхъ соображеній либо хозяйственныхъ подсчетовъ сверкнетъ яркое сравненіе, вплетется образъ, заимствованный изъ народной пѣсни.

Съ симпатіями къ живому народному языку соединяется у интеллигентовъ 1830-хъ годовъ и симпатія къ украинской литературѣ, литературному творчеству на живомъ народномъ языкѣ. Существовали, конечно, различныя степени интереса къ украинской литературѣ. Одни интересовались новинками украинской литературы, другіе принимали очень близко къ сердцу самый ходъ развитія украинской литературы. А. Я. Стороженко, напримѣръ, съ интересомъ читалъ новыя произведенія на украинскомъ языкѣ и съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія находилъ отраженіе украинской народной психики, черты украинскаго народнаго юмора. Маркевичъ любилъ и украинскій народный бытъ и народный языкъ, однако свои стихотворенія этнографическаго и историческаго содержанія писалъ по-русски¹⁾. Но были и такіе, что сами писали по-украински, принимали самое живое участіе въ успѣхахъ и неудачахъ украинской литературы, искренно радовались, что «народ пише гарно по-нашому», и глубоко сожалѣли, что нѣтъ спеціального журнала, гдѣ-бы можно было безъ помѣхъ печатать произведенія на украинскомъ языкѣ. Для многихъ еще не ясны были сами рамки украинской литературы, ея возможности и пути развитія. Поэтому то и были для многихъ откровеніемъ первыя произведенія Шевченка, указавшаго новые пути украинской литературѣ. «Вышла новая поэма Шевченка «Гайдамаки», на мало-россійскомъ нарѣч'іи: я читалъ отрывки, которые мнѣ очень понравились, много чувства». Этотъ простой безхитростный отзывъ читателя, не раздумывавшаго надъ ближайшими задачами молодой украинской литературы, прекрасно показываетъ, какое значеніе имѣло для украинской интеллигенціи 1830-хъ годовъ выступленіе Шевченка на литературную арену.

1) См. въ моей статьѣ «Н. А. Маркевичъ». Журн. Мин. Нар. Просв. 1911, № 1.

II.

Интересъ къ прошлому.

Украинская интеллигенція 1830-хъ годовъ выросла въ своихъ усадьбахъ подъ вліяніемъ постоянныхъ воспоминаній о прошломъ. Съ юныхъ лѣтъ эти воспоминанія минувшаго залегали прочнымъ крѣпкимъ пластомъ въ юной впечатлительной душѣ и оставались тамъ навсегда.

Двѣ вереницы образовъ прошлаго вставали передъ умственнымъ взоромъ молодого поколѣнія старыхъ помѣщичьихъ родовъ. Одни образы прошлаго навѣвала историческая пѣсня, дума, воспѣвавшая былыя страданія украинскаго народа и славныхъ народныхъ героевъ. Другіе образы вставали изъ фамильныхъ преданій, изъ разсказовъ о прошлыхъ судьбахъ рода. Эти послѣдніе были, пожалуй, болѣе реальны, осязательны: они смотрѣли со стѣнъ съ потемнѣвшихъ портретовъ работы неизвѣстныхъ мастеровъ. То были предки, представители прежнихъ «генерацій», члены круга генеральной старшины съ эмблемами власти въ рукахъ, гетманы, полковники, есаулы. О нихъ разсказывали отцы своимъ дѣтямъ, научая цѣнить подвиги предковъ, ихъ заслуги передъ родиною. «Наши предки — писалъ А. Я. Стороженко сыну — были вѣрны своему долгу; были людьми заслуженными въ краю, гдѣ не было магнатовъ; впослѣдствіи всегда были вѣрны царямъ православнымъ»¹⁾. Такое общее представленіе о предкахъ старался внушить отецъ своему сыну. Вотъ нѣсколько подробностейъ объ одномъ изъ предковъ: «когда ты выйдешь въ офицеры и пріѣдешь ко мнѣ, увидишь у меня портретъ прапрадѣда съ сѣдою бородою, почтенной фізіогноміи, который былъ значительнымъ лицомъ въ Малороссіи, находился при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и Петрѣ I-мъ и былъ удостоенъ ихъ довѣренности и благоволенія, умеръ же человекомъ бѣднымъ». Стороженко старался передать своему сыну тотъ же интересъ къ прошлому, то-же сознаніе тѣсной связи, единства рода, какія имѣлъ самъ. У сына на стѣнѣ виситъ «изображеніе предка» и рядомъ вѣшаетъ онъ снимокъ съ картины, изображающей Б. Хмельницкаго²⁾. «Любитель старины малороссійской», горячо интересовавшійся исторіею родного края

1) «Стороженки», II, с. 36.

2) Стороженки, II, с. 66, 68.

и прошлыми судьбами своего рода, хотѣлъ и окружающимъ, сыну и дочери, привить тѣ-же интересы къ историческимъ вопросамъ и разысканіямъ.

Выростая въ старой дѣдовской усадьбѣ, подъ вліяніемъ воспоминаній о прошломъ въ семейныхъ преданіяхъ и въ народныхъ пѣсняхъ, прислушиваясь къ отголоскамъ минувшаго среди краснорѣчивыхъ памятниковъ былой жизни, богатой, яркой, бившей ключемъ, молодежь невольно подпадала очерованію воспоминаній прошлаго.

Связь съ прошлымъ была очень замѣтна и отголоски прошлаго чувствовались очень ясно. Неудивительно, поэтому, что путешественникъ и наблюдатель часто обращались отъ современности къ образамъ прошлаго.

Приходилось ли быть свидѣтелемъ оживленія въ Одесской гавани во время отправки войскъ и военныхъ запасовъ къ турецкимъ берегамъ, немедленно же приходило на умъ сравненіе: картина подобнаго же оживленія, когда запорожцы пускались въ отважный черноморскій походъ на крымскія или турецкія земли.

Приходилось-ли залюбоваться на группу поселянъ на работѣ, само собою наворачивалось сравненіе, образъ прошлаго времени, навѣянный народною пѣснью.—«На косовицу у насъ собираются цѣлымъ селомъ: бѣлые шаравары, бѣлыя рубахи, точило, гаманъ, люлька и коса напоминаютъ одежду Святослава, а ряды косарей—древнія лавы запорожцевъ. Таборъ на могилахъ, кругомъ возы, яма вырыта, въ ней огонь, надъ огнемъ котлы...»¹⁾).

Въ этнографическое описаніе вплетается историческій намекъ, этнографъ, наблюдатель современнаго народнаго быта, является вмѣстѣ съ тѣмъ и знатокомъ старины.

Интересъ къ минувшему родины и къ прошлымъ судьбамъ рода давалъ въ различныхъ обстоятельствахъ различные результаты. Одни, интересуясь былымъ, старались собрать побольше матеріаловъ и памятковъ по исторіи родного края и своего рода. Отъ вниманія такихъ «любителей старины малороссійской» не ускользало ничто болѣе или менѣе важное. Портреты дѣятелей былого времени, подлинныя универсалы

1) Маркевичъ, Обычай . . . с. 14.

гетманскіе и полковничіе, предметы обихода минувшихъ вѣковъ, старыя книги съ записями ихъ прежнихъ владѣльцевъ, помянники чтимыхъ монастырей съ именами членовъ рода—все это бережно собиралось и сохранялось лицами, интересовавшимися знать, «каковъ былъ Батуринъ, Чигиринъ или Глуховъ во времена предковъ нашихъ, каковы были нравы, языкъ...»¹⁾. Не приступая сами къ разработкѣ всего накопленнаго, собиратели эти ждали изслѣдователя, который разберетъ всѣ собранные матеріалы, оцѣнитъ ихъ по достоинству и на основаніи ихъ напишетъ исторію минувшаго времени.

Другіе шли дальше. Они не только собирали, но и пытались сами разрабатывать свои матеріалы и матеріалы другихъ собирателей. Такъ возникали небольшіе историческіе этюды о тѣхъ либо иныхъ дѣятеляхъ минувшаго времени, объ отдѣльныхъ событіяхъ, объ отдѣльныхъ учрежденіяхъ Гетманщины. Много вниманія удѣлялось изученію исторіи украинской старины, украинской шляхты.

Нѣкоторымъ удалось подняться выше такихъ историческихъ этюдовъ и дать попытку обработки украинской исторіи. Къ числу такихъ писателей принадлежалъ Маркевичъ, авторъ пятитомной «Исторіи Малороссіи». Менѣе удачливые ограничивались журнальными статьями и историческими замѣтками, коими дѣлились въ рукописи съ другими «любителями старины малороссійской...».

А. Я. Стороженко былъ изъ круга менѣе удачливыхъ. Изъ его историческихъ замѣтокъ кое-что увидѣло свѣтъ въ современныхъ журналахъ, другое осталось неизданнымъ: дать что-либо законченное Стороженку не удалось. Изъ переписки видно, какіе лелѣялъ Стороженко широкіе планы, какъ трудолюбиво собиралъ матеріалы, какъ внимательно изучалъ эти матеріалы. Планы Стороженка остались неосуществленными, но всетаки интересно познакомиться съ его планами и работами, такъ какъ это любопытный представитель круга любителей и знатоковъ украинской исторіи.

Подобно своимъ современникамъ, занимавшимся исторіею Украины, Стороженко вполне самостоятельно подошелъ къ занятіямъ украинской

1) Выраженіе Маркевича—см. въ моей статьѣ, с. 140.

исторіею. Историческихъ трудовъ, которые могли дать начальную основу и помочь разобратъся въ вопросахъ родного прошлого, было немного. Наиболѣе надежною была Исторія Бантыша-Каменскаго, но она не затрагивала многихъ вопросовъ. «Прочитай исторію Малороссіи, пока Бантыша-Каменскаго: она, за неимѣніемъ другой, дастъ тебѣ нѣкоторое понятіе не о старинѣ, а кой о чемъ другомъ». Въ этомъ замѣчаніи скрытое осужденіе узости рамокъ труда Бантыша-Каменскаго: именно по тѣмъ вопросамъ, которые болѣе всего интересовали потомка козацкой старины, заинтересовавшагося былыми судьбами родины, именно по тѣмъ вопросамъ трудъ Бантыша-Каменскаго давалъ мало указаній. Недовольны были трудомъ Бантыша-Каменскаго и другіе «любители старины малороссійской», не находившіе въ этомъ трудѣ отвѣта на интересовавшіе ихъ вопросы.

Не находя удовлетворительнаго отвѣта на интересовавшіе ихъ вопросы былой жизни Украины, любители старины стали сами искать разрѣшенія своей любознательности. Проще всего было обратиться къ семейнымъ бумагамъ своей семьи, старымъ кроникамъ и записямъ. Этимъ путемъ пошелъ и А. Стороженко. Такъ положенъ былъ фундаментъ коллекціи документовъ и копій документовъ, касающихся старины. По мѣрѣ того, какъ росла коллекція, выяснялись забытыя интересныя детали былого уклада, являлась и крѣпла мысль о бѣльшей работѣ по исторіи Украины, о трудѣ, захватывающемъ различныя стороны минувшей жизни родины. Къ такимъ планамъ пришелъ Стороженко въ началѣ 1830-ыхъ годовъ: укрѣпляли въ этомъ намѣреніи и близкія связи съ русскими литераторами, интересовавшимися исторіею Россіи.

Съ болѣзненнымъ прилежаніемъ—писалъ А. Стороженко—о своихъ занятіяхъ въ письмѣ къ другу — занимаюсь теперь между дѣломъ приведеніемъ въ порядокъ собранныхъ мною архивовъ о малороссіянахъ XVI ст. Есть весьма много любопытнаго». Работа по систематизаціи собранныхъ историческихъ матеріаловъ оказалась не легкою. «Досажаю самъ на себя, что принялся за столь трудную работу, но по упрямому характеру малороссіянина не могу бросить начатое»¹⁾. Увлеченіе под-

1) Стороженки, т. III, 17.

боромъ историческихъ матеріаловъ съ надеждою на близкое окончаніе задуманной большой работы продолжалось и въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Онъ обрабатывалъ отдѣльныя главы будущаго историческаго труда и показывалъ эти главы своимъ знакомымъ. Дружескія оцѣнки были похвальны и заставляли съ большею энергіею заниматься работою. «Я думалъ писать—вспоминаетъ Стороженко объ этихъ годахъ—исторія полуденной Россіи наполняла воображеніе... Извѣстные литераторы, читавшіе пишущуюся мною Исторію полуденной Россіи, оказывали мнѣ пріязнь и вниманіе къ трудамъ моимъ..... Я предался совершенно разысканіямъ историческимъ о полуденной Россіи»¹⁾... Однако постепенно служебныя работы брали свое и оставляли меньше времени и энергіи для историческихъ интересовъ. Постепенно въ душу А. Стороженко стало закрадываться сомнѣніе: удастся-ли ему вообще закончить свой большой трудъ? «Въ мою жизнь я ничего не кончу, ибо мнѣ необходима служба, необходимъ насущный хлѣбъ». Это горькое сознаніе уже не оставляетъ Стороженка: онъ не надѣется обработать въ научномъ трудѣ всѣ собранные матеріалы. «Когда увидимся, я покажу тебѣ многое — пишетъ онъ сыну—Исторію родины, или матеріалы для оной, кои привести въ систематическій порядокъ мнѣ, трудившемуся цѣлую жизнь для того, чтобы существовать съ семействомъ, не было никакой возможности»²⁾. Теряя надежду самому когда-либо обработать собранные матеріалы, Стороженко начиналъ думать, что, можетъ быть, эту работу удастся выполнить младшему поколѣнію, дочери, сыну, зятю. Онъ старался развить въ дочери интересъ къ серьезному историческому чтенію вообще и по исторіи родины въ особенности. Старанія отца увѣнчались полнымъ успѣхомъ, дочь полюбила историческое чтеніе по исторіи Украины. «Можешь вообразить ея терпѣніе читать съ отчетливостью даже исторію Малороссіи» хвастается отецъ сыну успѣхами дочери. «Я теперь читаю Исторію нашей милой Малороссіи», сообщаетъ сестра брату. Позднѣе отецъ поручилъ дочери перевести съ французскаго рукописную записку по исторіи Козаковъ. Возлагалъ Стороженко надежды и на своего сына,

1) Стороженки, т. I, 421.

2) Стороженки, т. II, 37, 38.

стараясь и ему привить интересъ къ занятіямъ по исторіи Украины. «Дай Богъ, чтобы ты, при способностяхъ, имѣлъ болѣе удобнаго для сего времени» — высказываетъ отецъ свою надежду передать сыну собранные матеріалы для большого труда по исторіи Малороссіи.

Какіе же матеріалы для исторіи Украины удалось собрать Стороженку? «Любители старины малороссійской» начинали обычно съ фамильныхъ документовъ своей семьи и другихъ родственныхъ семей. Предки — это былъ исходный моментъ занятій исторіею: родословная роспись съ указаніемъ родства съ болѣе видными дѣятелями минувшихъ столѣтій украинской исторіи — вотъ первое приложеніе новыхъ знаній по исторіи родины. Затѣмъ рамки раздвигались и вводились новые вопросы политической и внутренней исторіи Украины. Таковъ обычный путь занятій украинскою исторіею въ 1830-хъ годахъ. Этимъ путемъ шелъ и Стороженко. Онъ старательно собиралъ все относящееся къ прежней исторіи рода Стороженковъ, ихъ былой дѣятельности: онъ всегда помнилъ, что предки занимали значительное положеніе, были «старшинами въ малороссійскомъ козацкомъ войскѣ». Стороженко былъ счастливѣе другихъ собирателей матеріаловъ: онъ могъ расширить кругъ своихъ поисковъ и благодаря помощи другихъ ученыхъ найти важные и интересные матеріалы въ недоступныхъ для другихъ любителей заграничныхъ архивахъ.

Первоначальныя рамки историческихъ интересовъ расширялись постепенно и отъ генеалогическихъ разысканій перешелъ Стороженко къ собиранію матеріаловъ по исторіи Украины вообще. Часто мѣняя мѣсто службы, Стороженко всюду старался разыскать матеріалы для исторіи родины, онъ пересматривалъ собранія мѣстныхъ любителей, внимательно пересматривалъ акты, рукописныя крошечки и старопечатныя книги съ записями. Все это увеличивало его собраніе матеріаловъ цѣнными источниками. Такъ, напримѣръ, попалась ему изъ старопечатныхъ книгъ Львовская грамматика, а изъ актовыхъ матеріаловъ Реестръ Войска Запорожскаго (въ Варшавскомъ архивѣ министерства финансовъ): самъ Стороженко называлъ этотъ Реестръ — росписью рыцарству Малой Россіи. И здѣсь много помогли Стороженку его связи съ славянскими учеными, о которыхъ упомянуто будетъ ниже. Эти связи дали ему возможность получать

свѣдѣнія о цѣнныхъ матеріалахъ въ заграничныхъ архивахъ и о нововышедшихъ книгахъ по исторіи Польши, изданныхъ за предѣлами Россіи.

Нужно отмѣтить и рассказы о старинѣ, которые записывалъ Стороженко со словъ старыхъ людей, послѣднихъ представителей давно ушедшей поры. Служа на югѣ Россіи и часто мѣняя мѣсто службы, Стороженко часто сталкивался со старыми людьми и со вниманіемъ выслушивалъ ихъ воспоминанія о быломъ. Записи этихъ воспоминаній о событіяхъ половины XVIII в. давали много интереснаго, и Стороженко очень ими дорожилъ. По поводу книги Скальковского о Запорожьи, произведшей сильное впечатлѣніе на читателей-украинцевъ, Стороженко писалъ въ дружескомъ письмѣ. «Въ ней [книгѣ Скальковского] нѣтъ рѣшительно ничего новаго, равномерно какъ и нѣтъ старины, ибо, что рассказывалъ казакъ Коржъ, умершій въ 1837 г., то расскажетъ тебѣ каждый старикъ Новороссійскаго края. Я самъ лично зналъ многихъ запорожцевъ и даже грамотныхъ... ихъ повѣствованія о Сѣчи еще любопытнѣе, нежели Коржовы, но со времени побѣдъ надъ турками Задунайскаго Запорожская Сѣчь не была уже Сѣчью... Зналъ я также недавно умершаго елисаветградскаго помѣщика Патрина, который былъ поручикомъ въ крѣпости св. Елисаветы еще во времена, когда полчища Крымскихъ татаръ въ послѣдній разъ обходили оную и грабили села между Ингуломъ и Днѣпромъ. Послушалъ бы, что онъ говорилъ объ остаткахъ Запорожцевъ, съ коими жилъ» ¹⁾. Отзывъ о книгѣ Скальковского слишкомъ рѣзкій: кто не встрѣчалъ самъ запорожцевъ, тому и рассказы Коржа давали очень много интереснаго. Въ отзывѣ Стороженка очень интересны его указанія на встрѣчѣ со старожилами и ихъ рассказы современниковъ о былой жизни Украины. «Въ бытность мою въ Малороссіи мнѣ случалось много разъ видѣться съ оставившимъ лѣтъ 9 тому назадъ въ с. Мельникахъ (верстахъ въ 12 отъ моего пепелища) жену и дѣтей... содѣлавшимся нынѣ извѣстнымъ Осипомъ Гладкимъ, двухъ-бунчужнымъ пашею и кошовымъ передавшимся къ намъ запорожцевъ. Похожденіе его любопытно и по самой уже невѣжественной простотѣ рассказа» ²⁾....

1) Стороженки, т. II, 78.

2) Стороженки, т. III, 17.

Записи такихъ разсказовъ людей минувшей эпохи имѣли большую цѣнность.

Постепенно увеличивая новыми матеріалами свое собраніе, Стороженко останавливался пока на отдѣльныхъ эпизодахъ прошлаго и, въ ожиданіи свободнаго времени для усидчивой систематической работы, обрабатывалъ въ литературной формѣ наиболѣе интересные какъ казалось ему, моменты минувшаго. Эти литературныя упражненія предназначались для журналовъ. Стилъ Стороженка былъ обычнымъ стилемъ любителей, старавшихся заинтересовать широкую публику историческими образами. «Сіе случилось... около 1576 г. Тогдашній польскій король Баторій завидовалъ славѣ простодушныхъ гетмановъ Шаха и Подковы: послѣдній изъ нихъ столько былъ великъ душою, что отказался отъ побѣжденнаго имъ княжества Волоскаго, будучи избранымъ на княжество онаго вольными голосами. Ему впослѣдствіи отрубили голову во Львовѣ. Бренные остатки его похоронены были признательными козаками, товарищами битвъ, въ Каневскомъ монастырѣ»¹⁾.... Это бѣглое упоминаніе о набѣгѣ на Синопь и Трапезонтъ, сдѣлано оно въ дружескомъ письмѣ. Такимъ же стилемъ писалъ Стороженко и статьи для журналовъ.

Начало запорожскаго казачества, его удалые походы на турецкіе города, геройскіе подвиги «буйныхъ, любившихъ дикую свободу рыцарей», движеніе Б. Хмельницкаго, Мазепа, Осипъ Гладкій — вотъ моменты украинской исторіи, на которыхъ съ особымъ вниманіемъ останавливался Стороженко. Съ такимъ подборомъ темъ вполне могли согласиться и другіе знатоки украинской исторіи, старавшіеся познакомить широкую читающую публику съ украинскимъ прошлымъ. Перелистывая русскіе журналы 1830-хъ и начала 1840-хъ годовъ, мы можемъ найти тамъ немало этюдовъ, посвященныхъ этимъ или другимъ сходнымъ эпизодамъ украинской исторіи: многіе интересовались Хмельницкими Богданомъ и Тимошемъ, Мазепою и т. п.²⁾. Интересы писателей и читателей совпадали.

Стороженка, какъ и его современниковъ-украинцевъ, возмущала

1) Стороженки, т. III, 16.

2) Срв. хотя бъ статьи Н. А. Маркевича. Исторією г. Мазепы очень интересовался Булгаринъ и настойчиво просилъ у Стороженка матеріаловъ, касающихся г. Мазепы.

манера нѣкоторыхъ писателей безъ достаточныхъ знаній пускаться въ оцѣнку событій украинской исторіи либо говорить свысока о былыхъ судьбахъ украинскаго народа. Особенно огорчала Стороженка неправильная оцѣнка движенія Б. Хмельницкаго, какъ бунта, поднятаго вождемъ своевольныхъ людей. Нѣсколько разъ возвращался Стороженко къ этой темѣ, стараясь разъяснить настроенія Б. Хмельницкаго, подкладку народнаго движенія и громадное значеніе этого народнаго движенія для послѣдующей исторіи Россіи. Эти мысли развивалъ Стороженко и въ статьяхъ и въ дружескихъ письмахъ¹⁾. Возмущала Стороженка и путаница представленій объ Украинѣ XVI—XVII вв. лицъ, переносившихъ на весь украинскій народъ черты своеобразнаго уклада Запорожья съ его отрицаніемъ особенностей мирнаго крестьянскаго быта. Что современники сообщали о Запорожьи, того нельзя относить ко всему украинскому народу—доказывалъ Стороженко. «Въ Малороссіи всегда была гражданственность, всегда былъ порядокъ и законы»²⁾ — это отвѣтъ на непродуманныя глубже сужденія о былой дикости Запорожья и всей Гетманщины, которыя безъ достаточнаго основанія и безъ достаточнаго знанія дѣла повторялись иногда въ журналахъ. Можно припомнить, что не одного лишь Стороженка возмущали такія заявленія, что и другіе украинцы-читатели негодовали противъ голословныхъ утвержденій; можно назвать, напримѣръ, историческую статью Костомарова, вызванную именно такими поспѣшными выводами безъ достаточнаго знанія дѣла, выводами о прошлыхъ судьбахъ украинскаго народа, о культурѣ Украины³⁾. И въ этомъ Стороженко вполнѣ раздѣлялъ настроенія своихъ современниковъ.

III.

Сношенія А. Я. Стороженка съ польскими и славянскими учеными.

Остается охарактеризовать сношенія Стороженка съ польскими и славянскими учеными, ту помощь, которую оказывали они своему украин-

1) Стороженки, II, 54, 60, 61, 63, 66.

2) Стороженки, II, 37.

3) См. въ моей замѣткѣ «Маловѣдома статья Костомарова» Записки Наук. Тов. ім. Шевченка т. 79.

скому пріятелю: выше было сдѣлано бѣглое упоминаніе объ этой помощи, теперь нужно привести кое-какія детали.

Живя въ Варшавѣ и интересуясь мѣстными архивами, Стороженко познакомился съ нѣкоторыми варшавскими учеными. Горячій интересъ Стороженка къ прошлой исторіи Украины и сопредѣльнымъ моментамъ исторіи Польши сблизилъ польскихъ ученыхъ съ Стороженкомъ. Поляки могли помочь любителю украинской старины своими знаніями въ области источниковъ и пособій по исторіи Польши. На такую помощь и разсчитывалъ Стороженко.

Интересны письма В. Мацѣевского, они вскрываютъ, какую именно помощь оказывали Стороженку его польскіе знакомые¹⁾. Вернувшись изъ научной поѣздки по славянскимъ землямъ, Мацѣевскій спѣшитъ подѣлиться въ письмѣ съ главными результатами своей научной поѣздки, съ болѣе важными открытіями (одно сообщеніе касается ранняго упоминанія о козакахъ въ давней рукописи)²⁾. Въ каждую свою поѣздку помнилъ Мацѣевскій о спеціальному интересѣ А. Стороженка къ документамъ для исторіи украинскаго козачества и отмѣчалъ для своего пріятеля все относящееся къ исторіи козачества. Позднѣе во время своихъ научныхъ занятій въ Познани въ библіотекѣ гр. Рачинскихъ Мацѣевскій нашелъ универсалы козацкихъ гетмановъ съ интересными печатами и согласно съ просьбою Стороженка пріискалъ художника для снятія копій съ печатей. Въ этой же Познанской библіотекѣ сдѣлалъ Мацѣевскій еще одну находку особенно важную для генеалогическихъ разысканій А. Стороженка: были это письма предка А. Стороженка — полковника войска запорожскаго Стороженка (1640 г.). Эта находка очень заинтересовала А. Стороженка, и онъ поспѣшилъ подѣлиться ею со своими близкими и знакомыми, какъ новымъ важнымъ матеріаломъ для исторіи рода. «Мацѣевскій возвратился и привезъ мнѣ письма отъ почтеннаго Ганки и копіи писемъ старшаго запорожскаго полковника Андрея Стороженка 1640 г., въ честь коего я названъ тоже Андреемъ» — такъ со-

1) О кругѣ научныхъ интересовъ Мацѣевского см. напримѣръ въ статьѣ о Мацѣевскомъ С. Пташицкаго въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1883, III.

2) Стороженки, III, 96.

общалъ Стороженко сыну о находкѣ Мацѣвскаго. А вотъ упоминаніе въ письмѣ къ Юзефовичу¹⁾: «мой почтенный пріятель Мацѣвскій возвратился изъ своего любознательнаго странствованія по осѣдлостямъ славянскимъ и привезъ мнѣ много любопытныхъ списковъ, въ числѣ коихъ есть и сношенія предка моего, старшого запорожскаго полковника А. Стороженка со Львомъ Сопѣгою: это сохранилось въ библіотекахъ Познанскихъ графовъ Дзялынскаго и Рачинскаго». Находка писемъ далекаго предка наиболѣе, пожалуй, порадовала Стороженка: онъ такъ спѣшилъ подѣлиться съ знакомыми этою вѣстью.

Мацѣвскій не только самъ выискивалъ для Стороженка интересные матеріалы, но и завязывалъ для него сношенія съ другими учеными и собирателями рукописей. Въ научную поѣздку свою въ Познань Мацѣвскій сообщилъ своимъ ученымъ друзьямъ и знакомымъ коллекціонерамъ объ интересахъ Стороженка относительно матеріаловъ по исторіи Украины и заручился для него обѣщаніями поддержки. «Графъ Дзялинскій—писалъ Стороженко Юзефовичу — обѣщаетъ самъ прислать всё, что я выберу изъ каталога рукописей, ему принадлежащихъ, касательно Малороссіи»²⁾... Конечно, такая поддержка была очень важна для Стороженка.

Внимательно слѣдя за всѣми новинками польской исторической литературы, Мацѣвскій старательно отмѣчалъ въ новыхъ книгахъ все, относящееся къ кругу спеціальныхъ историческихъ интересовъ А. Стороженка. Вотъ одинъ примѣръ такой услуги³⁾. Вышла книга «Listy o Szwecyi», написалъ ее гр. Е. Тышкевичъ (Вильно 1846). Пересматривая эту книгу, Мацѣвскій нашелъ указанія на историческіе документы, относящіеся къ времени самозванцевъ и касающіеся, между прочимъ, участія козаковъ запорожскихъ въ этой войнѣ. Мацѣвскій составилъ списокъ документовъ, которые по своему содержанію могли бы заинтересовать и пригодиться Стороженку въ его научныхъ занятіяхъ и эту выметку переслалъ своему пріятелю. Стороженко, получивши вы-

1) Стороженки, III, 108.

2) Стороженки, III, 109.

3) Стороженки, III, 45.

метку, сталъ раздумывать, какимъ бы путемъ получить копію съ указанныхъ документовъ и обратился за помощью къ Булгарину, не имѣетъ ли онъ знакомаго, который взялъ бы на себя приготовленіе копій съ документовъ. Но Булгаринъ не могъ оказать просимой услуги, хотя вполнѣ раздѣлялъ интересъ Стороженка къ отмѣченнымъ Мацѣвскимъ документамъ: «а преважныя вещи для эпохи самозванцевъ...».

Не ограничиваясь своими лишь находками и открытіями, Мацѣвскій охотно сообщалъ Стороженку тѣ данныя, которыми дѣлились его многочисленные корреспонденты, извѣщая о своихъ находкахъ и открытіяхъ. Такъ пересылалъ Мацѣвскій Стороженку письма Д. Зубрицкаго съ интересными сообщеніями относительно львовскихъ архивовъ. Мацѣвскій сообщалъ Зубрицкому о тѣхъ научныхъ вопросахъ, на которые искалъ Стороженко отвѣта, и Зубрицкій очень обязательно отвѣчалъ на поставленные Стороженкомъ вопросы¹⁾. «Teraz przystępując w krótkości do odpisu na udzielone mi uwagi przyjaciela Pańskiego z okolicy Kijowa, naprzód w ogólności muszę napomknąć...» писалъ Зубрицкій въ письмѣ къ Мацѣвскому относительно поставленныхъ Стороженкомъ вопросовъ по исторіи Запорожья. Знакомство съ цѣнными документами львовскихъ архивовъ дало Зубрицкому возможность сообщить интересныя свѣдѣнія Стороженку, свѣдѣнія, касающіяся исторіи козачества, его численности, его организаціи.

Остановиться нѣсколько подробнѣе на перепискѣ Стороженка съ Мацѣвскимъ интересно, потому что переписка эта характеризуетъ дружескія отношенія между Стороженкомъ и современными учеными и ихъ взаимныя ученныя услуги. Можно сказать—взаимныя, такъ какъ и Стороженко оказывалъ различныя услуги Мацѣвскому, начиная съ мелкихъ, какъ, напримѣръ, высылка книги Венелина, и кончая болѣе значительными. Кромѣ Мацѣвскаго можно назвать Ганку изъ славянскихъ ученыхъ: Стороженко познакомился съ Ганкою лично и потомъ съ нимъ переписывался; иногда передавалъ Ганкѣ книги черезъ Мацѣвскаго. Нелишнее упомянуть и о Вагилевичѣ. Зная по рассказамъ Мацѣвскаго о занятіяхъ и научныхъ интересахъ Вагилевича, Стороженко захотѣлъ

1) Стороженки, III, 126.

помочь галицкому ученому. Явилась мысль устроить его на кафедру славянских языковъ въ южномъ университетѣ. Вагилевичъ, узнавши объ этомъ планѣ, описалъ въ письмѣ къ Стороженку свои затрудненія и просилъ похлопотать за него. Зная Юзефовича, Стороженко обратился къ нему съ просьбою, прося устроить Вагилевича въ Кіевскомъ университетѣ. Сначала дѣло какъ-будто налаживалось; Вагилевичемъ заинтересовались и Юзефовичъ и самъ Бибииковъ. Но годъ спустя дѣло приняло совершенно иной оборотъ, и кандидатура Вагилевича на кафедре славистики въ Кіевскомъ университетѣ оказалось невозможною¹⁾.

Оживленныя сношенія Стороженка съ польскими и славянскими учеными составляютъ интересную страницу въ біографіи Стороженка. Пожалуй здѣсь яснѣе всего вырисовываются научные интересы А. Стороженка, старательнаго чиновника и практичнаго помѣщика-пріобрѣтателя, какимъ онъ выступаетъ въ другихъ письмахъ²⁾. Въ перепискѣ съ Мацѣевскимъ, Ганкою, Зубрицкимъ, а изъ русскихъ — съ московскимъ профессоромъ Бодянскимъ³⁾ — интересы Стороженка встаютъ съ полной ясностью и опредѣленностью. Сообщаетъ-ли Стороженко о собранныхъ матеріалахъ, пересказываетъ-ли переданное другимъ корреспондентомъ свѣдѣніе изъ архивнаго документа, хвалится-ли сдѣланною находкою, проситъ отзыва компетентнаго лица о новоизданномъ памятникѣ, касающемся исторіи козачества — во всѣхъ случаяхъ ярко просвѣчиваютъ интересы Стороженка къ прошлому Украины, трудолюбіе въ собираніи новыхъ и новыхъ матеріаловъ и внимательность въ разработкѣ собранныхъ матеріаловъ: съ такими данными Стороженко могъ бы дать самостоятельное изслѣдованіе о началѣ украинскаго козачества.

Сравнительно со своими современниками, изучавшими документальное прошлое Украины по родовымъ гнѣздамъ въ мирной обстановкѣ помѣщичьихъ усадьбъ, Стороженко, какъ было выше упомянуто, имѣлъ важ-

1) Стороженки, III, 108—111.

2) Объ этой сторонѣ характера Стороженка см. группировку фактовъ въ моей статьѣ «З життя українскаго панства» въ ж. «Літер. - Науковий Вістник» 1913.

3) Срвн. въ моей статьѣ «З початків нової української історіографії» Україна 1914, II.

ныя преимущества: онъ могъ воспользоваться помощью польскихъ и славянскихъ ученыхъ, могъ благодаря ихъ указаніямъ расширить кругъ своихъ архивныхъ матеріаловъ, могъ своевременно знакомиться съ новыми изданіями и сочиненіями, все это должно было облегчать работу Стороженка надъ собираніемъ и изученіемъ собранныхъ матеріаловъ. Но за то были у Стороженка и причины, тормозившія научную работу: переѣзды съ мѣста на мѣсто, служебныя заботы—все это мѣшало усидчивой работѣ и не позволило Стороженку дать законченную работу, внести посильный вкладъ, интересный, поскольку можно судить по отдѣльнымъ отрывкамъ и намекамъ, и цѣнный, въ изученіе украинской исторіи въ тридцатыхъ годахъ...

Александръ Грушевскій.